

Репрессивное раскрестьянивание в СССР как исследовательская проблема: подходы и поиски новых решений¹

С. А. Красильников

Сергей Александрович Красильников, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории Сибирского отделения РАН. 630090 Новосибирск, ул. Николаева, 8. E-mail: krass49@gmail.com

Аннотация. При рассмотрении феномена спецпоселения сталинской эпохи применительно к крестьянскому его компоненту в данной публикации предлагается со-единение репрессивной парадигмы изучения с социально трансформационной, названной автором «репрессивное раскрестьянивание». Последнее в отношении депортированных в спецпоселение крестьян с семьями определяется как государственная политика, основанная на принуждении, насилии и дисциплинировании наказанием, следствием чего становится утрата крестьянством большинства базовых мировоззренческих ценностей (в том числе религиозных); происходит деформация трудовых стимулов, трудового этоса; трансформируются модели семьи и связей между поколениями. Данный процесс рассмотрен с позиций динамики его исследования с конца 1980-х годов (историографический аспект). Осуществленный трудами ряда исследователей (Н. А. Ивницкий, В. Я. Шашков, В. Н. Земсков) концептуальный «прорыв» обеспечивался и одновременно ограничивался анализом информационного потенциала корпуса делопроизводственных источников центральных органов власти и управления. Отмечено влияние на историков своеобразного диктата источников: структура и дискурс охранительной документации определяли доминирование в ней количественных характеристик (численность, дислокация, сферы применения труда, условия жизни и т.д.) и не отражали неявные качественные стороны жизнедеятельности ссыльных (маргинальность, адаптационность, эксцессивность, повседневность). Зафиксировав наличие в современной литературе терминологических рудиментов («раскулачивание», «правовое положение» и др.), автор акцентирует внимание на необходимости обращения к таким качественным понятиям, как «режимность спецпоселений», «иерархия статусов ссыльных», «межпоколенческие связи и конфликты», «цена репрессий». Будучи основой раскрестьянивания, социально-профессиональная мобильность ссыльного крестьянства, включая переход в другие страты (рабочие, служащие), в целом нивелировалась его режимным статусом.

Ключевые слова: насильственное раскрестьянивание, динамика исследований, крестьянская семья, ссылка, режим спецпоселения, мобильность, маргинальность

DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-1-6-22

1. Статья выполнена по теме госзадания «Динамика экономического и социального развития Азиатской России в контексте геостратегических вызовов конца XIX — начала XXI вв.» (FWZM-2021-0003).

При определении подходов, на платформе которых нами проведена определенная инвентаризация существующих ныне в исторической литературе исследовательских направлений для рассмотрения феномена крестьянской ссылки сталинской эпохи, необходимо произвести разделение уровней теории на три (макро-, мезо- и микроуровень). Роль макротехники выполняет *цивилизационная модель*, в рамках которой события в России/СССР следует рассматривать под углом зрения глобального процесса *раскрестьянивания*, проходившего особенно интенсивно в конце XIX — первой половине XX века, подразумевая под ним переход крестьянства как базовой социально-экономической страты традиционного общества в другие страты, имевший национально-территориальную и страновую специфику и варианты. В СССР реализован один из них — этатизация (огосударствление) аграрного производства и человеческого ресурса с утратой большинством крестьян своих основных экономических и социокультурных характеристик. Нами рассматривается *предельно жесткий вариант раскрестьянивания* — *репрессивный*, осуществляемый сталинским режимом в ходе всего периода его существования — в форме крестьянской ссылки на спецпоселение.

Для изучения данного феномена на среднем уровне теории, мезоуровне, следует обратиться к тематике *институционального* подхода. Последний представляется оптимальным, поскольку включает в себя важнейшие элементы осуществления репрессивного раскрестьянивания: политико-идеологический (государственный), определявший цель репрессий; управленческо-организационный (решение режимных, экономических и др. задач); ресурсный (необходимые средства для их осуществления — кадровые, финансовые, материальные, структурные, информационные и др.). Реальной целью институтов власти и управления в данном случае являлось достижение намеченного результата путем формирования системы крестьянских спецпоселений как подсистемы принудительного труда в экономике. Ссылное крестьянство превращалось в максимально возможный/допустимый эксплуатируемый трудовой ресурс, потенциал которого предполагалось распределить в различные, преимущественно базовые сектора экономики, желательного на колонизируемых территориях, чтобы превратить ссылных в «постоянные трудовые кадры» в местах дислокации комендатур.

Исследовательский микроуровень представлен анализом структур, отражающих *повседневность* крестьянской ссылки на местном, низовом уровне (районные и поселковые комендатуры и хозяйственные органы, эксплуатировавшие труд спецпереселенцев), где непосредственно соприкасались и взаимодействовали между собой режимные, хозяйственные органы и ссылные крестьяне. Здесь необходимо применение разработок ряда социогуманитарных дис-

С. А. Красильников
Репрессивное рас-
крестьянивание
в СССР как ис-
следовательская
проблема...

циplin, исследующих действие механизмов и практик разнонаправленного характера — адаптационных и дезадаптационных, сопутствовавших и препятствовавших так называемому оседанию спецпереселенцев в местах их расселения. Основным объектом анализа выступает ссыльная крестьянская семья не только как базовая учетная категория на спецпоселении, объект режимно-трудового управления и контроля со стороны комендатуры, но и как основа трансформации демографической, социальной, культурной жизнедеятельности ссыльного крестьянского социума в условиях несвободы. Ниже рассмотрим с точки зрения наличия трех указанных теоретических уровней исследовательское поле, сформировавшееся по проблематике репрессивного раскрестьянивания за прошедшие десятилетия, с начала 1990-х годов.

Динамика освоения проблематики

На наш взгляд, исследовательская динамика основывалась на нескольких базовых факторах, определявших направления, формы, интенсивность и результативность работы историков. Среди них отметим, прежде всего, влияние так называемых внешних условий, обусловленных сдвигами в политико-государственной сфере и уровнем востребованности знаний о сталинской эпохе со стороны общества. Внутренние условия формировались исходя из готовности историков к проведению данных исследований и доступности для них корпуса источников, хранящихся в государственных и ведомственных архивохранилищах России. Нами выделяются четыре стадии, пройденные историками (хронология условная):

1988–1990. *Пролог*, представленный публикациями историко-публицистического характера, где нашло отражение то, что впоследствии станет носить обобщающее название «трагедия советской деревни», составной частью которой представляли события депортации крестьянских семей на спецпоселение.

1991–1999. *Профессиональное освоение проблематики*. В ряде регионов основной концентрации крестьянских спецпоселений (Карелия, Сибирь, Урал) историками публикуются документальные сборники, появляются первые крупные работы монографического характера всесоюзного охвата (Ивницкий, 1994; Шашков, 1996).

2000–2010. *Качественное развитие исследований*. Переход документальных публикаций на новый, серийный уровень (выпуски «Трагедия советской деревни», «Деревня глазами ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД», «Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение», «История сталинского ГУЛАГа»). Публикация ряда монографий со всесоюзным (Ивницкий, 2004; Земсков, 2003; Виола, 2010) и региональным (Красильников, 2003; Игнатова, 2009; Чернолуцкая, 2011) охватом.

2010 — настоящее время. *Концептуальное «затишье»*. При этом происходит формирование принципиально нового информационно-справочного ресурса в виде региональных Книг памяти, посвященных высылке и пребыванию на спецпоселении крестьянских семей (Республика Коми, Новосибирская, Омская области, Красноярский край). Тем самым создается возможность перехода исследований «вглубь», на уровень изучения трансформации крестьянской семьи в условиях спецпоселения.

Следует констатировать очевидную взаимосвязь и взаимовлияние внешних и внутренних факторов, которые на протяжении чуть более 30 лет определяли результативность исторических исследований в данной области. Наиболее важные результаты оказывались достижимыми в благоприятных политико-государственных условиях первого постсоветского десятилетия, когда были созданы правовые основы для реабилитационных действий в отношении репрессированного крестьянства и сделан доступным для изучения значительный корпус документальных источников. Одновременно с этим историки получили достаточно редкий по продолжительности временной отрезок для поступательного эволюционного освоения тематики репрессивного раскрестьянивания в форме ссылки на поселение. Это позволило выстроить два параллельных процесса — источниковедческого и концептуального освоения громадного объема новой информации. Введение в научный оборот источников шло эволюционно, по восходящей — от публикаций отдельных документов и их комплексов к серийным изданиям корпусов источников, системно отразивших репрессивную политику сталинского режима. Тот же алгоритм присутствовал и в динамике научной рефлексии — от отдельных публикаций к монографическим изданиям. Формировались «точки сборки» на пересечении двух указанных направлений: авторы знаковых монографий (Н. А. Ивницкий, Линн Виола) выступали активными публикаторами источников, в том числе в составе коллектива, работавшего над серийным изданием «Трагедия советской деревни». В данной предметной области был достигнут пик реализации творческого потенциала. Затем, начиная с 2010-х годов наступило концептуальное «затишье», обусловленное отсутствием новых подходов и оценок теоретического характера. По нашему мнению, причины следует искать в нынешнем состоянии сформировавшегося концептуального поля.

Концептуальное поле

К настоящему моменту сложились несколько исследовательских платформ, в рамках которых работают современные историки. Безусловно, центральное место занимает изучение репрессивной политики партийного государства, что позволяет отнести данное направление к разряду *институциональной истории*, поскольку

в исследованиях задействован инструментарий данного подхода: рассматриваются тенденции и механизмы, с помощью которых субъекты/акторы (различные уровни вертикали власти) обладают целеполаганием, мотивами и программой действий, распоряжаются всеми видами ресурсов для достижения поставленных целей. Приоритетом здесь выступает реконструкция процессов разработки, принятия и реализации политических решений.

Другим практически обязательным компонентом в изучении феномена репрессивного раскрестьянивания является изучение спецпоселения как подсистемы принудительного труда, что предусматривает обращение к инструментарию *экономической истории*. В работах такого рода в центре внимания находятся проблемы организации, сферы использования, механизмы эксплуатации, приемы наказаний и поощрений труда ссыльного крестьянства. Акцент делается на выявлении и оценке роли фактора внеэкономического принуждения в сталинской модели экономики.

Третьим обязательным компонентом концептуального осмысления репрессивного раскрестьянивания являются социоструктурные процессы, вызванные массовыми репрессиями, к числу которых следует отнести проблемы социальной мобильности и маргинальности, что предполагает обращение к методам *социологии* и *социальной истории*. Социоструктурная динамика предусматривает реконструкцию масштабов и форм катастрофической нисходящей социальной мобильности репрессированных ссыльных крестьян с переводом их в застойное маргинальное, дискриминационное состояние как части так называемого спецконтингента, находившегося на «дне» социальной иерархии в сталинском обществе. Приоритетом здесь становится анализ социальных сдвигов в обществе в целом, со времени «Великого перелома» носивших негативный, деструктивный характер, ярким проявлением которых было репрессивное раскрестьянивание и формирование новой массовой маргинальной общности.

Еще один из приоритетных компонентов, входящих в данное концептуальное поле, — осмысление феномена миграций, носивших ярко выраженный принудительный характер, что относится к предмету изучения *исторической демографии*. Среди специалистов ведется дискуссия по поводу правомерности употребления термина «депортация» применительно к крестьянской ссылке. На наш взгляд, в данном случае это синонимы (принудительная миграция, депортация), поскольку процессы и политика репрессий в форме высылки имеют два вектора: как вне страны, так и во внутренние ее территории, намеченные для этого. Единственный процедурный нюанс состоял в том, что высылка за пределы страны не сопровождалась определением последующей траектории для высылаемых, тогда как высылка внутрь страны, если она имела массовый характер, носила режимный порядок и предполагала ссылку в определенные местности. Становясь предметом интереса

демографии, принудительные миграции требуют учета таких параметров, как прирост и потери ссыльного контингента (рождаемость и смертность), учет факторов, влияющих на ссыльных (заболевания, побеги, аресты и т.д.). Приоритетом здесь выступает не только выявление демографических изменений в ссыльном социуме, но и того, что можно назвать ценой депортаций в человеческом измерении.

Относительно новым и перспективным направлением в истории спецпоселений, требующим концептуальной разработки, является *гендерная тематика*. Безусловно, гендерное измерение депортационных процессов даст возможность получить новое знание о том, какую роль играло динамично менявшееся соотношение полов и возрастов в спецпоселенческом социуме. На основе доступной статистики исследователи могут говорить о возрастании женского фактора в жизнедеятельности ссыльного социума в силу функциональных изменений (замещение женщинами роли глав семей вследствие арестов мужчин на начальном этапе депортации (высылки) и последующих репрессий уже на спецпоселении, мобилизаций военного времени и т.д.). Здесь же уместно рассмотреть межпоколенческие взаимоотношения и конфликты, связанные с политикой предпочтений, предоставлявшихся спецпоселенческой молодежи (возможности снятия со спецучета, разрешение на выезд из спецпоселков для учебы и работы и т.д.).

Очевидно, что на макроисследовательском уровне необходимо рассмотрение сталинской политики и практики репрессивного раскрестьянивания как особого направления в рамках такой междисциплинарной области, как *крестьяноведение*. Находясь на стыке социогуманитарных наук (социология, экономика, демография, статистика, антропология и др.), изучая крестьянский мир с присущим ему особым образом жизнедеятельности, восприятия и поведения в его взаимоотношениях с социальным окружением и институтами власти, крестьяноведение обладает значительным методологическим и методическим потенциалом для историков. Инструментарий социологии (структурно-функциональный анализ, типы и формы социальной мобильности, референтные группы и др.) дает возможность изучения и интерпретации социальной динамики крестьянства, методы и подходы демографии и антропологии позволяя глубже исследовать процессы трансформации крестьянской семьи в экстремальных условиях сталинской эпохи и т.д. Среди историков процессы раскрестьянивания «по-социалистически» наиболее глубоко изучает В. А. Ильных (Ильных, 2012: 130–141). Однако, какой бы тематики в рамках изучения крестьянства данного периода ни касаться, принципиальным остается вопрос о состоянии понятийного аппарата, с которым работали и работают историки при реконструкции государственной политики в отношении репрессированного и ставшего спецпереселенцами крестьянства.

ТЕОРИЯ

Воспользуемся приемом фиксации проблематики «на входе» (советская историографическая традиция) и ее движения к современному состоянию (постсоветская историография), отметив наиболее распространенные случаи понятийной трансформации, которые не лишены противоречий и своеобразных «ловушек». Советская традиция диктовала историкам применение таких идеологических стереотипов, как «кулак», «ликвидация кулачества как класса», «раскулачивание». В постсоветских исследованиях также воспроизводятся эти термины. В одних случаях историки, используя подобную терминологию и понимая ее несостоятельность, прибегают к закавычиванию, поясняя, что в качестве языка для научного описания процессов государственной политики в деревне с конца 1920-х годов эти термины неприменимы. Однако гораздо более частым явлением в современных работах стало заимствование без оговорок понятия «раскулачивание», которое проникло и в заглавие исследований (Шашков, 1996; Ивницкий, 2004; Раскулаченные спецпереселенцы, 1993). Впрочем, даже автор признанной классической работы В. Н. Земсков применяет данный термин без оговорок, хотя в дальнейшем закавычивает словосочетания «кулацкая ссылка», «бывшие кулаки» (Земсков, 2003: 10–18). Очевидно, что «застрявший», рудиментарный термин прошлой эпохи означал для современников событий соединение в нем двух элементов — социального (объекта государственной политики) и репрессивного (экспроприационного), затем он закрепился в массовом сознании как синоним экономических репрессий. Однако для исследователей его применение более чем сомнительно, поэтому, в частности, ряд историков, не найдя подходящего эквивалента, попросту закавычили его либо в заглавии работы, либо в самом тексте (Гущин, 1996; Чернолуцкая, 2011: 54). Выход же из ситуации, на наш взгляд, достаточно прост — обозначать данное явление как репрессивное раскрестьянивание.

Другим рудиментом, заимствованным определенной частью современных историков, выступает постулат о «правовом положении» спецпереселенцев, которым они обладали наряду с обязанностями, на них налагавшимися. Понятно, что таким образом определяло статус репрессированного крестьянства и других категорий спецпереселенцев само государство в ряде своих постановлений, а затем — в подзаконных актах репрессивных органов, осуществлявших управление и надзор над спецпоселениями. Между тем пишущие об этом в монографиях или диссертациях историки тем самым невольно отождествляют декларируемые в различных документах нормы с реальным их воплощением. Однако очевидно, что эти законодательные нормы не могли быть реализованы в условиях спецпоселения, где действовало не право, а жесткие режимные правила. Право на труд даже конституционно трактовалось как обязательное

занятие общественно-полезным трудом, а в репрессивной практике оно превращалось в принуждение к нему. Спецпереселенцы лишались возможности выбора вида трудовой деятельности, они передавались по договорам хозяйственным организациям, всецело распоряжавшимся их трудовым потенциалом. Эвфемизмом звучит понятие «ограничение» в перемещениях — они очерчивались местами расселения и трудовой деятельности, а нарушения «ограничений» трактовались как побег и преследовались в административном и судебном порядках. Из заработной платы на производстве производились процентные удержания на содержание аппарата комендатуры. Даже пресловутое восстановление в избирательных правах, которое традиционно рассматривалось как индикатор наличия у спецпереселенцев активного избирательного права, не давало большинству их обладателей возможности выезда после 1935 года из спецпоселения.

Приведем достаточно характерный пример того, по каким основаниям надзорные органы осуществляли дифференциацию ссыльного крестьянства. Это, в частности, касалось спецпереселенцев, принудительно закрепленных государством в сфере сельского хозяйства (неуставные артели). Согласно правительственному постановлению от 9 сентября 1938 года, последние переводились на положение уставных артелей (колхозов), что создало некоторую коллизию в определении их нового статуса, которая разрешалась чисто казуистическим приемом. Так, Наркоматом юстиции РСФСР 17 октября 1939 года в регионы спец(труд)поселений было направлено следующее разъяснение: «...Специальных переселенцев — бывших кулаков, организованных в колхозы и ныне являющихся колхозниками, а также специальных переселенцев — кулаков, которые сейчас являются единоличниками, необходимо подразделить на следующие категории: 1) если это кулаки, которые в 1930–31 гг. были высланы и проживают в местах особого поселения (трудпоселках), то ни форма организации их труда, ни сам характер специального поселения в определении сущности социального положения ничего не изменили. Эту группу осужденных, как и прежде, нужно отнести к социальной группе нетрудящихся; 2) если же спецпереселенцы восстановлены во всех правах, добровольно остались жить в указанном поселении и объединились в колхоз, или остались вне колхоза, то их следует отнести к категории колхозников...»². Из подобного разъяснения буквально следовало, что утрата прежнего «кулацкого» статуса и переход в разряд «бывших кулаков» даже в условиях занятия в спецартелях обязательной трудовой деятельностью не снимали с большинства спецпереселенцев маркировки «нетрудящихся».

Приведенная здесь в качестве примера реальная дискриминация, которой подвергались спецпереселенцы, свидетельствует

2. Государственный архив Новосибирской области. Ф. Р-1027. Оп. 10. Д. 206. Л. 117.

о том, что «правовые нормы» гасились невозможностью их осуществления. Поэтому правомерно поставить вопрос о фактически действовавшем в условиях спецпоселения не каком-либо «правовом положении», а о режимном статусе, определявшемся совокупностью подзаконных актов, которыми руководствовались структуры, руководившие спецпоселениями. Ситуация усугублялась тем, что даже режимные документы не служили защитой от комендантского провоза на местах.

Не случайно в монографии Н. А. Ивницкого в разделе о «правовом положении» спецпереселенцев в первой же фразе говорится: «Правовое положение раскулаченных регламентировалось различными нормативными документами как органов власти, так и ведомственными инструкциями <...> Раскулаченные, разумеется, не имели ни гражданских прав, ни льгот» (Ивницкий, 2004: 127–128). Хотя сказанное автором относилось к начальному периоду крестьянской высылки, но приведенный им фактический материал свидетельствовал о сложившейся практике на протяжении всех 1930-х годов. Более того, Ивницкий завершил данный раздел констатацией, что «накануне войны все ранее принятые “либеральные” постановления (в данной сфере. — С. К.) не выполнялись» (Ивницкий, 2004: 149).

Следующим рудиментом советской историографии, который формально и фактически преодолевался историками после 1991 года, хотя и с куда меньшими издержками, стал постулат о «трудовом перевоспитании бывших кулаков». Современные исследователи, избежав данной терминологической «ловушки», в целом единодушны в том, что «трудовое перевоспитание» ссыльного крестьянства, как заимствование советской пенитенциарной идеи «перековки» преступников в местах лишения свободы, в данном случае являлось своего рода эвфемизмом, прикрытием процесса выживания крестьян в условиях спецпоселения. Однако в трудах современных историков можно зафиксировать случаи переноса данного явления из сферы труда в сферу идеологии, когда речь идет о «культурно-просветительной», «политико-воспитательной», «пропагандистской» работе, проводившейся в спецпоселках. Тем не менее если говорить о содержании процесса мировоззренческой трансформации в спецпоселенческой среде и не брать во внимание проблематику школьного образования, то «перековка» молодежи и тем более средних и старших возрастных групп ссыльных практически не изучена. Чаще всего изучение подменяется перечислением организационных, институциональных форм деятельности (клубы, красные уголки, курсы ликбеза и т.д.) без оценок качественной, результативной стороны их работы.

Наиболее дискуссионным и не переосмысленным рудиментом является итоговое, оценочное суждение о значении феномена крестьянской ссылки в его экономическом измерении. В советской историографии отмечалось, что прошедшие «трудовое перевоспитание

бывшие кулаки» своей деятельностью способствовали экономическому развитию регионов своего принудительного размещения. Исследователь советской переселенческой политики Н. И. Платунов писал, что «преобразование кулачества в трудящийся класс» предполагало «производительное использование трудовых сил выселенных кулацких семей, промышленно-промысловое и сельскохозяйственное освоение новых территорий» (Платунов, 1976: 216).

В постсоветской историографии проблематика экономического измерения крестьянской ссылки оказалась в своего рода «серой» оценочной зоне. Относительно консенсусным в кругу исследователей стал тезис об «использовании» государством крестьянского трудового потенциала путем его трансформации в универсальную «рабсилу», которая при этом входила, как часть «спецконтингента», в систему принудительного труда. Нетрудно заметить, что историки, заимствуя в своих работах из охранительного дискурса стереотипное словосочетание «использование труда» спецпереселенцев в интересах государства, тем самым невольно продлевают жизнь пропаганде советской модели всеобщего огосударствления труда.

Признавая применение различных форм труда и его стимулирования — от поощрения до принуждения, функцией советского государства, — большинство историков в итоговых оценках тем не менее пишут о «вкладе» спецпереселенцев в освоение северных и восточных регионов страны, о «роли» спецпереселенцев в развитии экономики и культуры регионов расселения, об «активном участии» спецпереселенцев в формировании основных отраслей народного хозяйства и т.д. Несколько отличную, «срединную» позицию занял Земсков. Повторив в Заключении устоявшийся оборот о «значительном вкладе» спецпереселенцев в развитие окраинных регионов, он далее поставил под сомнение экономический эффект от насильственных переселений, которые «являлись делом нерентабельным, затратным» (Земсков, 2003: 282). В приведенных оценках заложено очевидное противоречие: термины «вклад», «роль», «участие» предполагают, прежде всего, добровольность, согласие, активность, мотивацию деятельности и в той или иной мере эффективность труда. Между тем очевидно, что термин «использование» являлся прагматическим прикрытием эксплуатации труда ссыльных крестьян. Труд же, построенный на принуждении, на эксплуатации, на дискриминационных практиках, выступал применительно к самим спецпереселенцам как инструмент адаптации и выживания в условиях несвободы, в лучшем случае давая потенциальную возможность перехода к труду наемному с надеждой на изменение неправового и маргинального социального статуса, существовавшего в спецпоселках. При этом ожидаемое избавление от стигматизации и после перехода на более высокую иерархическую ступень в качестве «постоянного кадра рабочих» сфер промышленности, транспорта и т.д. было не очевидным. Так, «лишенчество» членства в профсоюзах блокировало применение к ним даже тех относи-

тельно небольших льгот, которыми наделялись «правовые» рабочие. О статусной дифференциации крестьян в спецартелях, формально переведенных перед войной на положение колхозов, говорилось выше.

Констатируя наличие в постсоветской отечественной историографии крестьянской ссылки отмеченных выше четырех рудиментарных элементов прежней парадигмы («раскулачивание», «правовое положение», «перевоспитание», «роль в освоении»), рассмотрим позиции современных историков с учетом того, как данные «ловушки» осознаются ими и в какой мере происходит их преодоление.

«Точки роста»

Заметным явлением в «застывшем», по сути, к 2010-м годам концептуальном поле стал цикл статей представителя нового поколения историков А. С. Иванова из Сургута, в которых проступают контуры научного переосмысления проблематики принудительных миграций (Иванов, 2015: 60–67; 2016: 94–99; 2018а: 40–46; 2018б: 45–53; 2019: 203–210). Ядром концептуального рассмотрения данного феномена выступает понятие режимности как качественного, атрибутивного признака системы спецпоселений.

Исследователи и ранее отмечали наличие данной характеристики, используя ее при описании основных сторон функционирования спецпоселений — от нормативных положений, регулировавших жизнедеятельность в них, до практик комендатурной повседневности. Однако Иванов сформировал и эмпирически подтвердил универсальность и системность действия режимных норм и установлений в условиях спецпоселений, равно как и девиаций, отклонений от них. Тем самым его исследовательская парадигма свободна от рассмотренных выше концептуальных рудиментов. В традиционном понимании режимность есть совокупность нормативных требований и установок, обеспечивающих особый порядок деятельности структур, требующих закрытости, секретности, экстерриториальности, контроля над перемещением работников, предусматривая различные ограничения для них. Автор, операционализируя данные функции применительно к эмпирическому материалу, выделяет во взаимосвязи такие аспекты, как режимное пространство, режимная идентичность, режимный/дискриминационный труд, сформированная на этой основе иерархия спецпоселенческого социума, режим социализации спецпоселенческой молодежи и др. Для каждого из свойств режимности он выделяет свои характеристики, которые фиксируются в источниках.

Так, режимное пространство спецпоселений представлено такими признаками, как: ограничение перемещения для «режимных» людей; противоречие нормативных актов друг другу; закрепление экстерриториальности; характеристики обладали динамикой во вре-

мени. Иванов отметил важное противоречие данного аспекта режимности: с одной стороны, установка на «перековку» допускала возможность для спецпереселенцев определенной территориальной мобильности, но с другой стороны, режимность ограничивала возможность их проживания в райцентрах и городах, консервируя у спецпереселенцев традиционное сельское сознание и поведение. Установленная экстерриториальность спецпоселений и «изоляция» не снимала, а порождала при формировании режимно-производственных комплексов в местах принудительного размещения различные практики связей и взаимодействий с местным населением, коренными этносами и т.д.

Автору принадлежит классификация свойств границ режимности: 1) расплывчатость и волатильность, когда границы зависели от конкретных задач, решавшихся режимно-производственными коллективами; 2) пульсирующий характер режимности (степень влияния режимных барьеров на повседневность в спецпоселениях различалась в процессе взаимодействия режимной вертикали и спецпоселенческой горизонтали); 3) текучесть границ режимности как следствие «бездомности», которая не только превращала спецпереселенцев в мобильную рабочую силу, но и позволяла режимному пространству возникать в неожиданных местах или нарушать его, несмотря на нормативные запреты (в частности, наличие спецпоселенок-домработниц у комендантов). Ивановым предложена также новая трактовка понятия «режимной идентичности», формирование которой он связывает с базовой категорией «режимности», выделяя в ней следующие черты: коллективная идентичность («неправовая»); имплицитность (стремление к скрытности); принудительность (навязывание режимности); травматичность (чувство своей социально-правовой неполноценности); многоуровневость (при общности режимного статуса сохранение своей принадлежности к той или иной социальной, поселенческой, этнической, профессиональной общности).

А. С. Иванов предпринимает и попытку (хотя и в осторожной форме) переосмысления стереотипных оценок «вклада» и «роли» принудительных миграций в развитии регионов размещения спецпереселенцев, используя такой термин, как «влияние» данного фактора на экономическую, демографическую и социокультурную ситуацию в указанных территориях, и предлагая учитывать процессы в их векторной разнонаправленности. Анализируя ситуацию военного и послевоенного периодов на Северо-Западе Сибири в формате изменений в территориальном размещении и балансе рабочей силы в связи с появлением здесь спецпереселенцев и формированием режимно-производственных комплексов, автор фиксирует не только запланированные, но и непредвиденные последствия произошедших сдвигов в различных областях (хронический дефицит в сфере жизнеобеспечения населения, противоречия функций режимности и производственной деятельности и т.д.). Мобилиза-

ционно-охранительные методы «оседания спецпереселенцев» в местах их режимного расселения приносили лишь среднесрочные результаты: после отмены режимности происходил массовый отток депортантов.

Каков творческий потенциал концепта режимности спецпоселений? В рамках устоявшегося подхода, базировавшегося на корпусе делопроизводственной документации Центра, где аккумулировалась информация, циркулировавшая в обоих направлениях (сверху вниз и снизу вверх), историки в той или иной степени оказываются ее заложниками, выстраивая свою аналитику исходя из минимальной критики источников (а то и вовсе без нее), перепроверить данные которых историкам чаще всего не представлялось возможным. Ядро информации в них представлено, прежде всего, количественными характеристиками («кубо-километрами») в ущерб качественным, которые гораздо сложнее выявить и измерить. Подходы, разрабатываемые Ивановым, предлагают считывание информации из источников с различных сторон режима спецпоселений, основанное на выявлении качественных сдвигов в них (уровни идентичности, иерархии статусов, степени маргинализации, адаптированности, социализации различных групп спецпереселенцев и т.д.), которые напрямую не зафиксированы в официальном делопроизводстве охранительных органов.

Чем важен подход режимности для установления черт и механизмов репрессивного раскрестьянивания? Вчерашний крестьянин, встроенный в пространство спецпоселений, становится «режимным человеком», приписанным/прикрепленным к определенной сфере занятости и трудовой общности, теряет свои прежние базовые характеристики. В некотором смысле возникает статусное созвучие с существовавшими до отмены крепостного права категориями государственных и кабинетских крестьян, приписанных к заводам и мануфактурам (приписные крестьяне). Члены сельскохозяйственных и промысловых спецартелей в сталинскую эпоху оказывались на положении новых «приписных крестьян». Отметим, что исследователь Н. М. Игнатова применяет данную характеристику для тех спецпереселенцев, чей труд эксплуатировался в промышленности: «Спецпереселенцы стали в своем роде “заложниками” экономических потребностей государства, *приписными рабочими* (выделено нами. — С. К.) на лесоразработках, шахтах, рудниках и фабриках» (Игнатова, 2009: 41). Принцип прикрепленности ссыльного к конкретному спецпоселку и определенному производству (артель, леспромхоз и т.д.) Иванов трактует следующим образом: спецпереселенец, утратив в ходе репрессии гражданскую правосубъектность, осознает навязанный ему принудительный статус, выступая просителем в отношениях с комендантами, управленцами на производстве (Иванов, 2018а: 42). Добавим также, что здесь речь идет об утрате ссыльным крестьянством не только прежней хозяйственно-эко-

номической субъектности, но и возникновении, вследствие действия данных факторов, того состояния, которое исследователь определяет как феномен «бездомности» спецпереселенцев в широком значении данного понятия, превращения их в мобильную, территориально перемещаемую текучую рабочую силу (Иванов, 2019: 208).

В качестве некоторого итога проведенного обзора обратимся к возможности использования историками применительно к процессу репрессивного раскрестьянивания категории «цена», которая обычно рефлексировалась в терминах «издержки», «потери» и т.д. Нами под «ценой» понимаются безвозвратные утраты политико-экономического, социально-демографического, культурного и человеческого потенциала, ставшие следствием, результатом носивших экстремальный характер больших социальных действий и преобразований (войны, революции, реформы и т.д.). Укажем ниже ряд ее измерений.

В *социоструктурной динамике* в течение краткого по историческим меркам периода (1930–1935 годы) произошла громадная, фактически катастрофическая ломка социальной структуры страны, главной тенденцией которой выступало раскрестьянивание в различных формах («плановое»/оргнабор, стихийное, репрессивное). В *социально-профессиональном измерении* репрессивное раскрестьянивание проявилось в реализации государственной политики формирования из ссыльного крестьянства универсального эксплуатируемого трудового ресурса для базовых секторов экономики. По данным на конец 1940-х годов, менее четверти взрослых спецпереселенцев было занято в традиционной сельскохозяйственной сфере, тогда как 40% относились уже к группе рабочих, а 4% — к служащим (Земсков, 2003: 174). В *области мотивации труда* его стимулы оказывались деформированы принципом принудительности, служба базовым основанием для выживания в условиях спецпоселения. В *социально-стратификационном измерении* ссыльное крестьянство находилось в маргинальном положении, выход из которого регулировался режимными механизмами, преимущественно для молодежи. В *семейно-демографическом измерении* действовали разнонаправленные тенденции (сохранение и распад), которые проявляли себя в разной степени на разных стадиях спецпоселения. В целом результирующей следует считать деградацию трудового потенциала семьи (изменение половозрастной структуры и сокращение доли трудоспособных членов): треть живших в спецпоселках взрослых ссыльных крестьян в конце 1940-х годов относились к группам не работавших (домохозяйки, престарелые, иждивенцы, инвалиды) (Земсков, 2003: 175). Принципиальным вопросом для дальнейшего исследования проблемы выступает установление синхронизации или несовпадения динамик «общего» и репрессивного раскрестьянивания в сталинскую эпоху.

Библиография

- Виола Л. (2010). Крестьянский ГУЛАГ: мир сталинских спецпоселений. М.: РОССПЭН.
- Гущин Н. Я. (1996). «Раскулачивание» в Сибири: методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия. Новосибирск: Наука.
- Иванов А. С. (2015). Влияние принудительных миграций на развитие Северо-Западной Сибири (1941–1945 гг.) // Человек в условиях модернизации XVIII–XX вв. Екатеринбург. С. 60–67.
- Иванов А. С. (2016). Колониальный дискурс в историографии истории спецпоселений // Magna Adurgit: Historia Studiorum. № 1. С. 94–99.
- Иванов А. С. (2018а). Режимная идентичность спецпереселенцев (1930–1950-е гг.): базовые характеристики // Северный регион: наука, образование, культура. № 4 (40). С. 40–46.
- Иванов А. С. (2018б). Иерархия спецпоселения // Вестник Томского государственного университета. История. № 51. С. 45–53.
- Иванов А. С. (2019). Границы режимного пространства спецпоселений сталинской эпохи (на материалах Западной Сибири // Тюменская область: историческая ретроспектива, реалии настоящего, контуры будущего. Тюмень. С. 203–210.
- Ивницкий Н. А. (1994). Коллективизация и раскулачивание (начало 1930-х годов). М.: Интерпракс.
- Ивницкий Н. А. (2004). Судьба раскулаченных в СССР. М.: Собрание.
- Игнатова Н. М. (2009). Спецпереселенцы в Республике Коми в 1930–1950-е гг. Сыктывкар: Инф.-изд. отдел Коми научного центра Уро РАН.
- Ильиных В. А. (2012). Раскрестьянивание сибирской деревни в советский период: основные тенденции и этапы // Российская история. № 1. С. 130–141.
- Земсков В. Н. (2003). Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. М.: Наука.
- Красильников С. А. (2003). Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М.: РОССПЭН.
- Платунов Н. И. (1976). Переселенческая политика советского государства и ее осуществление в СССР (1917 — июнь 1941 гг.). Томск: Изд-во Томского университета.
- Раскулаченные спецпереселенцы на Урале (1930–1936 гг.) (1993). Сб. док-тов. Екатеринбург: Наука.
- Чернолуцкая Е. Н. (2011). Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920–1950-е гг. Владивосток: Дальнаука.
- Шашков В. Я. (1996). Раскулачивание в СССР и судьбы спецпереселенцев. 1930–1954. Мурманск. Изд-во Мурманского государственного пед. ин-та.

Repressive de-peasantization in the USSR as a research question: Approaches and search for new solutions

Sergey A. Krasilnikov, DSc (History), Chief Researcher, Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Nikolaeva St., 8, Novosibirsk, 630090. E-mail: krass49@gmail.com

Abstract. When considering the peasant component of special settlements in Stalin's epoch, the author proposes to combine the repressive paradigm with the socially transformative one, which leads to the idea of repressive de-peasantization. This term focuses on the peasantry and peasant families deportation to special settlements as a state policy based on coercion, violence and discipline through punishment, which resulted in the loss of the most basic values (including religious ones) by the peasantry, the deformation of labor incentives and ethos, the transformation of family mod-

els and intergenerational ties. These issues are considered in the article through their study since the late 1980s (historiographical approach). Thus, the conceptual “break-through” (N. A. Ivnitsky, V. Ya. Shashkov, V. N. Zemskov) limited this analysis to the records of the central authorities, and the dictate of such sources affected the historical discourse, determining the dominance of quantitative characteristics (numbers, dislocations, spheres of labor application, living conditions, etc.) and the ignorance of the implicit qualitative aspects of the exiles’ life (marginality, adaptability, excessiveness, everyday activities). Having noted the presence of terminological ‘relics’ in contemporary historical works (“*raskulachivanie*”, or de-kulakization, “legal status”, etc.), the author emphasizes the need to consider such qualitative concepts as “regulation of special settlements”, “hierarchy of exiles”, “intergenerational ties and conflicts”, and “the price of repression”. As the basis of de-peasantization, the social-professional mobility of the exiled peasantry, including to other strata (workers, employees), was generally leveled by its regime status.

Key words: forced de-peasantization, dynamics of research, peasant family, exile, special settlement regime, mobility, marginalization

References

- Chernolutskaya E. N. (2011) *Prinuditelnye migratsii na sovetskom Dalnem Vostoke v 1920–1950-e gg.* [Forced Migrations in the Soviet Far East in the 1920s and 1950s.], Vladivostok: Dalnauka.
- Gushchin N. Ya. (1996) *Raskulachivanie v Sibiri: metody, etapy, sotsialno-ekonomicheskie i demograficheskie posledstviya* [“De-kulakization” in Siberia: Methods, Stages, Social-Economic and Demographic Consequences], Novosibirsk: Nauka.
- Ignatova N. M. (2009) *Spetspereselentsy v respublike Komi v 1930–1950-e gg.* [Special Settlers in the Komi Republic in the 1930s — 1950s], Syktyvkar: Inf.-izd. otdel Komi nauchnogo tsentra Uro RAN.
- Il`inyh V. A. (2012) Raskrestiyaniyanie sibirskoj derevni v sovetsky period: osnovnyye tendentsii i etapy [De-peasantization of the Siberian village in the Soviet period: Main trends and stages]. *Rossijskaya Istorija*, no 1, pp. 130–141.
- Ivanov A. S. (2015) Vliyanie prinuditelnyh migratsij na razvitie Severo-Zapadnoj Sibiri (1941–1945 gg.) [The impact of forced migrations on the development of Northwest Siberia (1941–1945)]. *Chelovek v usloviyah modernizatsii XVIII–XX vv.*, Ekaterinburg, pp. 60–67.
- Ivanov A. S. (2016) Kolonialny diskurs v istoriografii istorii spetsposelenij [Colonial discourse in the historiography of special settlements]. *Magna Adsurgit: Historia Studiorum*, no 1, pp. 94–99.
- Ivanov A. S. (2018a) Rezhimnaya identichnost spetspereselentsev (1930–1950-e gg.): bazovyie kharakteristiki [Regime identity of special settlers (1930s — 1950s): Basic characteristics]. *Severny Region: Nauka, Obrazovanie, Kultura*, no 4, pp. 40–46.
- Ivanov A. S. (2018b) Ierarkhiya spetsposeleniya [Hierarchy of special settlements]. *Vestnik TGU. Istorija*, no 51, pp. 45–53.
- Ivanov A. S. (2019) Granitsy rezhimnogo prostranstva spetsposelenij stalinskoj epokhi (na materialah Zapadnoj Sibiri) [Borders of the regime space of special settlements in Stalin’s era (based on the materials about Western Siberia)]. *Tjumenskaya oblast: istoricheskaya retrospektiva, realii nastoyashchego, kontury budushchego*, Tyumen, pp. 203–210.
- Ivnitsky N. A. (1994) *Kollektivizatsiya i raskulachivanie (nachalo 1930-h godov)* [Collectivization and De-kulakization (Early 1930s)], Moscow: Interpraks.

- Ivnitsky N. A. (2004) *Sudba raskulachennyh v SSSR*. [The Fate of the Dispossessed in the USSR], Moscow: Sobranie.
- Krasilnikov S. A. (2003) *Serp i Moloh. Krestiyanskaya ssylka v Zapadnoj Sibiri v 1930-e gody* [Sickle and Moloch. Peasant Exile in Western Siberia in the 1930s], Moscow: ROSSPEN.
- Platunov N. I. (1976) *Pereselencheskaya politika sovetskogo gosudarstva i ee osushchestvlenie v SSSR (1917 — iyun 1941 gg.)* [Resettlement Policy of the Soviet State and Its Implementation in the USSR (1917 — June 1941)], Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta.
- Raskulachennye spetspereselentsy na Urale (1930-1936 gg.)* [Dispossessed Special Settlers in the Urals (1930–1936)] (1993). Ed. by T. I. Slavko, Ekaterinburg: Nauka.
- Shashkov V. Ya. (1996) *Raskulachivanie v SSSR i sudby spetspereselentsev. 1930–1954* [Dispossession in the USSR and the Fate of Special Settlers. 1930–1954], Murmansk: Izd-vo MGPI.
- Viola L. (2010) *Krestiyansky GULAG: mir stalinskih spetsposelenij* [The Unknown Gulag: The Lost World of Stalin's Special Settlements], Moscow: ROSSPEN.
- Zemskov V. N. (2003) *Spetsposelentsy v SSSR. 1930–1960* [Special Settlers in the USSR. 1930–1960], Moscow: Nauka.